

Таким образом, можно заметить, что цикл «Жизнь в пространстве» более ориентирован на работу с идеологическим полем, в то время как последующие циклы сосредотачиваются на осмыслении социально-политической ситуации и преодолении границ личного опыта самой Рымбу.

Список литературы

1. Глазова А. Истец за силу // Рымбу Г. Жизнь в пространстве. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 5—14.
2. Львовский С. Галине Рымбу: Полностью проживаемое происходящее // Воздух. 2016. № 1. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2016-1/lvovsky-orymbu/> (дата обращения: 16.11.2020).
3. Рымбу Г. Жизнь в пространстве. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 128 с.
4. Рымбу Г. Интервью // Воздух. 2016. № 1. URL: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2016-1/rymbu-interview/> (дата обращения: 10.11.2020).
5. Рымбу Г. «Задача политической поэзии — подрыв ложной надклассовой ментальности» [интервью] // Российское социалистическое движение. 2016. 10 февр. URL: http://anticapitalist.ru/archive/kultura/galina_rymbu_zadacha_politicheskoy_poezii_v_podryive_lozhnoj_nadklassovoj_mentalnosti.html (дата обращения: 06.11.2020).
6. Рымбу Г. Обитатели руин // Корчагин К. Все вещи мира. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 5—24.

УДК 821.161.1-1

ББК 83.3(2=411.2)64-45

DOI: 10.46726/H.2020.4.2

В. А. Гавриков

ИМЯ ИМЕН АЛЕКСАНДРА БАШЛАЧЕВА

Александр Башлачев создал сложный поэтический миф, который трудно связать с неомифологизмом. Скорее поэт пытался восстановить древнее реликтовое мышление с учетом достижений современной поэзии. Сердцевиной сакрального башлачевского мифа является мифологема Имя Имен. Это сложный комплекс отсылок к различным религиозным и философским традициям, к различным интертекстам. Ядром Имени Имен являются библейские отсылки: как ветхозаветные, так и новозаветные. Главные среди них: история о Вавилонской башне и мотивы, связанные с Рождеством Христовым. Однако прецедентные мотивы у Башлачева серьезно изменены: речь идет не только о переосмыслении сакраментальных событий, но об их повторении в будущем. Это повторение библейских историй переносится на русскую почву: рождения Имени Имен в виде младенца Башлачев ждет именно на русских просторах. Тем не менее Имя Имен не только антропоморфно: оно может соотноситься с древнегреческим и христианским Логосами, с восточным Дао и др. Имя Имен — это еще и синтетическая религия, в которой аккумулируются все мировые верования на манер движения Нью-Эйдж. Главное же в Имени Имен — его апокалипсический подтекст: поэт ждет скорого обновления мира, и главным «делателем» Апокалипсиса будет именно Имя Имен.

Ключевые слова: Александр Башлачев, Имя Имен, миф, библейские события, Апокалипсис, мировые религии, Логос, Дао.

V. A. Gavrikov

NAME OF THE NAMES OF ALEXANDER BASHLACHEV

Alexander Bashlachev created a complex poetic myth that is difficult to correlate with neomythologism. On the contrary, the poet tried to restore the ancient relict thinking, taking into account the achievements of modern poetry. The mythologeme Name of Names is the center of the sacred Bashlachev myth. The Name of Names is a complex set of references to various religious and philosophical traditions, intertexts. The core of the Name of Names is biblical references, both Old Testament and New Testament. Major events borrowed: the story of the Tower of Babel and the Nativity of Christ. However, these events with Bashlachev are seriously changed. The reason is that the poet is not referring to the past, but to the future. According to Bashlachev, the biblical events will be repeated, but will appear in a different guise. Sacred events are transferred to Russian soil: Bashlachev is waiting for the birth of the Name of Names in the form of a baby in the Russian expanses. Nevertheless, the Name of Names is not only anthropomorphic: it can correlate with the ancient Greek and Christian Logoi, with the Eastern Tao, etc. The Name of Names is also a synthetic religion in which all world beliefs are accumulated in the manner of the New Age movement. The main thing in the Name of Names is its apocalyptic subtext: the poet is waiting for the imminent renewal of the world, and it is the Name of Names that will be the main “maker” of the Apocalypse.

Key words: Alexander Bashlachev, Name of Names, myth, biblical events, Apocalypse, world religions, Logos, Tao.

В русскоязычной песенной поэзии этот человек является одной из ключевых фигур. Более того, если нашу поэтическую песенность разделить на два больших течения — авторская песня («бардовская») и рок-поэзия — то безусловным поэтическим лидером второй будет именно Александр Башлачев. В 2019 году вышла моя книга «В поэтической вселенной Башлачева», так вот там я обнаружил более 200 научных статей, посвященных исключительно творчеству Башлачева. А есть еще несколько диссертаций, сборников статей, монографий. Более того, среди авторов, родившихся в 60-е, на сегодняшний день Башлачев, вероятно, самый изучаемый поэт.

Его творчество оказало сильнейшее влияние на таких «звезд рок-н-ролла», как Шевчук, Гребенщиков, Дягилева, Летов, Кинчев, Цой... Удивительно единодушие представителей рок-искусства в оценке Башлачева: в один голос они называют его лучшим, талантливейшим и т. п. Но и «внешние» считают песни поэта самобытным явлением русской словесности. Так, поэзию Башлачева высоко оценили «старшие» классики, такие как Окуджава и Евтушенко.

Ключевым образом-символом башлачевской поэтики является мифологема Имя Имен. Именно мифологема, так как поздняя поэтическая система Башлачева насквозь мифологична, более того, речь идет даже не столько о неомифологизме — подражании реликтовым структурам, а о попытке восстановить древнее мистическое воззрение на мир, предпринятая, что называется, интенционально, намеренно.

О мифологеме Имя Имен я писал неоднократно, и каждый раз находил все новые и новые потенции этого образа-символа. В настоящей статье я попытаюсь обобщить все эти наработки. Начну с ключевой цитаты, в которой поэт приоткрывает нам дверь к этой тайне: «Вот недавно одна моя знакомая

сдавала зачет по атеизму. Перед ней стоял такой вопрос: “Основная религия?”. Я ей сказал: “Ты не мудри. Скажи им, что существует Имя Имен (если согласишься, у меня есть песня по этому поводу). Это Имя Имен можно представить как некий корень, которым является буддизм, суффиксом у него является ислам, окончанием — христианство, а приставки — идиш, ересь и современный модерн”» [6, с. 600].

Возможно, под словом «идиш» Башлачев подразумевает «иудаизм», а может быть, поэт оговорился, желая сказать «индуизм» (слова «идиш» и «Индия» созвучны). В любом случае, перед нами не только традиционные религии, но и художественные идеологии: «современный модерн», возможно, есть «постмодерн». Кроме того, Башлачев говорит о ереси, имея в виду, вероятно, вовсе не то, что под этим понятием понимает Церковь (ср. другое его высказывание: «Истина рождается, как еретик, а умирает, как предрассудок»).

Получается, что сфера традиционных верований и сфера искусства соединены в сознании Башлачева в некую синтетическую «основную религию», которую С. В. Свиридов справедливо называет «филологической верой», отмечая: «Вера Башлачева напоминает самые разные интеллектуальные или мистические концепции — от Флоренского и Афонской ереси до хлыстовства, от символизма до авангарда» [8, с. 62].

Обратим внимание также на то, что Башлачев, рассуждая о сути Имени Имен, апеллирует к своей одноименной песне, анализ которой не просто уточняет, но в какой-то степени даже противоречит данной выше панрелигиозной трактовке. Таким образом, в настоящей статье я хочу аккумулировать по возможности все толкования этого образа-символа.

Башлачев пытался пробиться к глубинному смыслу слов, к древним корням. Возможно, это была даже попытка реконструировать «адамов язык». Если пойти еще дальше, то можно предположить, что поэт искал центр этого языка, его первооснову, некий единственный корень, из которого выросли все остальные. Этот корень и будет самой сакральной точкой, сердцевинной башлачевского мифа.

В качестве такого ядра может быть выдвинуто Имя Имен. Вспомним, как определял миф А. Ф. Лосев в работе «Диалектика мифа»: «Миф есть в словах данная чудесная личностная история. Это и есть все, что я могу сказать о мифе» [5, с. 195]. Далее мыслитель, оставив в фокусе внимания лишь две категории «личность» и «слово», сводит их воедино (к категории имени): «Миф есть развернутое магическое имя. И тут мы добрались уже до той простейшей и окончательной сердцевины мифа, дальше которой уже нет ничего и которое дальше неразложимо уже никакими способами. Это — окончательное и последнее ядро мифа...» [5, с. 196].

Если «имя» — ядро мифа, то Имя Имен — ядро ядра? Исходя из этого суждения, можно было бы сделать вывод о том, что Имя Имен — центральное звено башлачевской поэтической системы, некое условное наименование первого корня, предъязыкового истока всех остальных слов. Однако мне кажется, что поэту так и не удалось соединить все корни в единый мегакорень; они так и остались в состоянии «распыленности». Таким образом, Имя Имен — это не само сакральное «первослово», а его «определение», лишь указание на звукокод, но не название звукокода.

Приведу еще одно высказывание А. Ф. Лосева: «Нет ведь <...> ничего иного, кроме единой и нераздельной, абсолютной единичности, универсального имени перво-сущности. Имя не разбито, не оскорблено, не ослаблено

со стороны иного. Имя не затемнено, не забыто, не уничтожено, не хуляется материей. Имя перво-сущности сияет во всей своей нетронутости предвечно-го света в инобытийной своей мощности, преодолевшей тьму меона» [4, с. 29]. Как тут не вспомнить песню: «Имя Имен не урвешь, не заманишь, не съешь, нехватишь в охапку»?

Имя Имен может быть именем Бога. Разумеется, есть искус сопоставить ключевую башлачевскую мифологию с имеславием, что уже было сделано С. В. Свиридовым. Он справедливо говорит об «интуитивной реинкарнации идей имеславия» [8, с. 64]. Подчеркну здесь слово «интуитивное» — по всей вероятности, Башлачев действительно не пытался переносить какие-то «выстроенные» религиозные и философские доктрины на свою творческую почву. Поиск шел по наитию: «Мышление Башлачева, вообще говоря, производит впечатление не анти- и не вне-, а до-рационального, умозрение в нем заменяется переживанием» [11, с. 26]. Этот тезис С. С. Шаулова кажется если не стопроцентно точным, то скорее верным, чем наоборот. Поэт следовал череде филологических «прозрений-откровений», считая, что они дарованы ему свыше. Однако я не считаю рассматриваемую здесь трактовку основной. И главным фактором, который говорит не в пользу версии о божьем имени, являются строки песни: «Имя Имен. Сам Господь верит только в него». Господь верит, видимо, не в свое имя (такой эгоизм был бы весьма странным), а верит Он во что-то (в кого-то?) наиболее близкое Себе, но не равное Себе.

Высказывание об Имени Имен из интервью, которое я уже приводил, может быть расценено как «реверанс» в сторону буддизма. Ведь именно буддизм назван корнем Имени Имен, то есть он — первоисточник, основа. Однако на проблему можно взглянуть и с иной — хронологической точки зрения. Буддизм, наоборот, менее других сакрален, так как был первым в череде человеческих верований (здесь я говорю о религиях, перечисленных Башлачевым, там нет, к слову, иудаизма и язычества). Потом знания накапливались, религии совершенствовались, чтобы прийти к некой сверхрелигии — Имени Имен.

А возможно, Башлачев рассуждал так: человечество (как и отдельный человек) в своем духовном развитии проходит ряд этапов, «возрастов». И ни один из этих возрастов не является временем греха и «мракобесия» (вспомним фразу из «Времени колокольчиков»: «рок-н-ролл — славное язычество»). Исходя из этой мысли, можно предположить, что и христианство или, допустим, ислам — не конечная точка развития системы. Не последний возраст человечества. Судя по всему, поэт хотел привести к общему знаменателю весь духовный опыт человечества, свести его к одной универсальной «формуле», то есть Имя Имен — нечто панрелигиозное, синтетическая религия для всех.

Еще версия: Имя Имен — это имя не божества, а имя какого-то конкретного человека (пусть и обладающего сверхъестественными способностями). Таким человеком в творчестве Башлачева является поэт — поэт-воин, поэт-пророк. Так что Имя Имен может быть именем Поэта Поэтов. Вспомним цитату из песни «На жизнь поэтов»: «Поэты в миру оставляют великое имя». Уж не «аналог» ли Имени Имен?

Можно посчитать, что Имя Имен это некий третий завет, то есть «Новейший завет» — итоговый, окончательный. Причем как Ветхий завет отражался в Новом, так и башлачевский «Новейший» имеет массу точек пересечения с Библией. Если по тексту Башлачева искусственно восстановить библейский сюжет, то окажется, что он наполнен отсылками к Рождеству.

В самом деле: вначале рождается некий сверхчеловек («особость» которого должна «признать повитуха»), в это же время в небе появляется («запекает») звезда, а «сбитые с толку волхвы» пытаются отыскать место рождения пророка или мессии (то ли не заметив путеводной звезды, то ли она им показала неправильный путь). «Особость» этого рождения подчеркивается и лексемой «Рождество» (то есть опять возвращаемся к мысли о сверх- (или бого-) человеке): «Вольный ветер на красных углях ворожит Рождество». Появление в тексте некоей особой девы — «девицы Маши», перед которой само небо склоняется в поклоне, опять же отсылает к известному библейскому сюжету. Вот что на эту тему говорит О. В. Палий: «Очень интересны два стихотворения, в которых контаминируются различные типы речевых отсылок — “Имя Имен” и “Мельница”, повествующие о рождении и смерти Спасителя. В тексте “Имя Имен” аллюзия на христианский текст вводится через аллюзию на стихотворение Б. Пастернака “Рождественская звезда”. В пастернаковом тексте Рождество перенесено в зимнюю Россию (“Вдали было поле в снегу и погост, / Ограды, надгробья, / Оглобля в сугробе / И небо над кладбищем, полное звезд”» [7, с. 70]. Однако при более пристальном взгляде выясняется, что здесь далеко не только рождественские мотивы. Вообще интересно аккумулировать все библейские отсылки в песне «Имя Имен».

Первая. Сюжет о вавилонской башне и смешении языков: «смешав языки, мутим воду в речах», «Всей гурьбою на башню!»

Вторая. Намек на высказывание Исайи — Иоанна Крестителя про «прямые пути»: «Вкривь да врозь обретается верная стежка-дорожка».

Третья. Тот же Иоанн-предтеча возникает при упоминании Крещения: «Перекрести нас из проруби да в кипятке».

Четвертая. Послание апостола Павла Филиппийцам (2:9-10): «Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы пред именем Иисуса преклонилось всякое колено небесных, земных и преисподних...». Очень похоже на башлачевскую концепцию Имени Имен.

Пятая. Цитата: «Имя Имен прозвонит золотыми ключами...» есть намек на святого Петра, не первый у Башлачева (см. «Посошок», «Перекур»). Вот как об этом говорится в Евангелии от Матфея (16:19): «И дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах». Петр на иконах чаще всего изображается с ключами от рая.

Шестая. У Башлачева есть упоминание о Страшном суде: «станут Страшным судом — по себе — нас судить зеркала». Тема последнего суда над всею землею присутствует и в Ветхом Завете, и в Новом. Наиболее полно конец мира и последний суд описаны в Откровении Иоанна Богослова.

Ну и седьмая: широкий пласт отсылки к Рождеству.

То есть перед нами — соединение разных библейских историй, некий «эон», симультанное сплавление всех времен. Только здесь соединены не только библейские времена, но и времена года: «земляника в январском лукошке» — какой-то неявный намек на сказку «Двенадцать месяцев».

Если выстроить фабулу «Имени Имен» только из библейских отсылок, то получится следующее: грехопадение, смешение языков (Вавилон), Исайя, говорящий о прямых путях (ветхозаветные пророки), Рождество, волхвы — в поиске, Крещение, выход на проповедь Иоанна Крестителя (предтечи), деяния апостолов, последний суд.

На месте грехопадения, то есть в начале бедствий человечества стоит ложь («врем испокон»), недолжная речь («мутим воду в речах»). Эта утрата истинного языка, наверное, и есть, по Башлачеву, изгнание из рая. Но в башлачевском сюжете это грехопадение является вторым мотивом, то есть вторым событием, а первое — рождение того, кто способен изменить ситуацию коренным образом: «в первом вопле признаешь ли ты, повитуха?». Понятно, что сюжет здесь не равен фавуле.

Грехопадение привело к утрате прямых путей, однако — с рождением Имени Имен — гармония начинает восстанавливаться: «Вкривь да врозь обретается верная стежка-дорожка». И если рождение Имени Имен, скорее всего, отнесено к будущему, то грамматическая конструкция приведенной выше фразы указывает, что предтеча, который должен сделать пути прямыми, уже, вероятно, явился. Однако этот предтеча — уже не креститель, а крестит (младенца? Ведь в тексте есть повитуха) «юная девица Маша». Собственно, в этом есть некоторая логика: Иоанн крестил взрослых крещением покаяния. Сейчас же принято крестить в младенчестве, чтобы запечатать человека печатью Святого Духа. А так как в тексте есть колокола, купола, значит, речь идет о той Церкви, что создана после Первого пришествия. Правда, крестит «девица Маша» не одного кого-то, а некое сообщество: «перекрести нас...», и не ясно: входит ли в это «нас» мессия — Имя Имен? Но, думаю, скорее да.

Несколько апостольских следов в тексте как будто наводит нас на тему избранных божьих людей. Таковых в тексте можно выделить четыре группы: ветхозаветные пророки, волхвы (как бы там ни было, а они узнали о рождении мессии, ищут его), апостолы, предтеча или предтечи. Возможно, эти группы избранных есть, на самом деле, одна группа: волхвы являются и пророками, и апостолами, и предтечами? Собственно, это не так важно: главное, что эти божьи люди должны помочь мессии восстановить истинный язык, приобщить людей к божьему наречию.

А теперь эти библейские события сопоставим с русскими — и это будет некая «русская версия» данной мифологемы. То есть Имя Имен можно воспринять, как воплощение русского духа, русской идеи, имя какого-то русского богатыря или святого, обобщенно олицетворяющего образ русского народа. С. В. Свиридов справедливо отмечает: «Имя Имен национально (хоть одновременно и наднационально): крестительницей от его лица выступает “девица Маша” — не то “русифицированная” Дева Мария, не то хлыстовская “богородица”, не то сама Россия в женственном образе» [9, с. 68].

В «Имени Имен» есть следующие русские «темпоральные пласты»: Крещение (Владимир Красное Солнышко), былинная, фольклорная древность (ерш, витязь, былинка), пушкинский слой («бой с головой», «Красно Солнышко» — «Руслан и Людмила», «разбито корыто» — «Сказка о рыбаке и рыбке»), царская Россия (куда входит и Пушкин, и, возможно, ерш как отсылка к «Повести о Ерше Ершовиче»), советская Россия (политрук Клочков).

Перечислю некоторые явно русские приметы из «Имени Имен»: «Велика ты, Россия, да наступать некуда», «Сено в стогу», «Кровь на снегу — / Земляника в январском лукошке», печь, лучина, самовар, пуховый платок (вспомним известную песню «Оренбургский пуховый платок»), колокола, купола, иконы... все это — приметы (или клише) русского бытия. А еще в песне есть большой корпус русской фразеологии, который тоже может быть отнесен к русской теме («битый век на мечях», «с легкой дуги» — «с легкой руки», «вкривь да врозь» — «вкривь да вкось», «золотую горящую шапку» —

«на воре шапка горит», «как с гуся беда» — «с гуся вода», «запрягает, да не торопясь, не спеша» — «долго запрягает, да быстро едет», «заварена каша»).

Особенно интересен образ «пухового платка». Вспомним блоковский «мгновенный взор из-под платка», то есть Россия = женщина = платок. А также башлачевскую «Егоркину былину», где Русь предстает в образе цыганки, на плечи которой наброшена «расписная шаль» (цыганка — шаль: своеобразная синекдоха), притом, что художественное пространство былины сужается (и одновременно расширяется) до узора на России-шали.

И вот эти два больших пласта — библейский и русский — имеют интересные точки пересечения, главные из которых — два двенадцатых праздника: Рождество и Крещение (Богоявление). Евангельский рождественский слой уже рассмотрен, да и русский рождественский слой тоже в целом понятен. Что же касается Крещения, то евангельский слой здесь ослаблен (разве что есть намек на Иоанна Крестителя), а русский очевиден: он явлен и в апокалипсическом будущем («перекрести нас из проруби»: прорубь — примета русской зимы), и в историческом прошлом (Владимир Красное Солнышко — это одновременно и Владимир Креститель).

Есть и еще один интересный слой пересечений — литературно-языковой. Башлачев дважды апеллирует к истории вавилонского смешения языков (чуть ли не главный лингвистический эпизод Библии), а русский литературно-филологический пласт заключен в аллюзиях на сказки Пушкина и былинно-фольклорный «дискурс». Не стоит забывать и трансформацию фразеологизмов.

Еще слой: тема раздора, войны, разделения. Библейские отсылки: грехопадение и строительство Вавилонской башни, а также последний суд Всевышнего: это ведь тоже разделение на злых и добрых. В русском контексте тема войны дана эксплицитно: политрук Клочков, погибший, защищая Москву от фашистов, а еще — «бой с головой», да и вообще образ витязя. Фразеология тоже вписывается в этот контекст, например, фраза «битый век на мечах». Здесь мы можем увидеть излюбленный башлачевский прием: деформацию устойчивых сочетаний, нередко, как и в данном случае, поэт использует и скрещение идиом. Поясню: выражение «битый час» гиперболизируется до уровня «битый век» и сталкивается с прямым значением слова «бить», которое реализуется при помощи лексемы «мечах». Второе устойчивое выражение, с рассматриваемой фразой: «на ножах» (так, к слову, назван «антисоветский» роман Николая Лескова). И оно тоже гиперболизируется: раздор усиливается — оппоненты уже не на ножах, а на мечах. Кстати, в «Тесте» есть фраза: статья «краюхой на острых ножах», апеллирующая к тому же выражению.

Еще одна важная версия: Имя Имен — знак Апокалипсиса. Эта версия смыкается с нижеследующей, где Имя Имен — это имя Христа во время Второго Пришествия. О том, что Имя Имен — символ Апокалипсиса, свидетельствуют мифологемы и сюжеты, явно отсылающие нас к известным библейским эпизодам: это и «смешение языков», и Вавилонская башня, и фраза «пала роса», возможно, намекающая на Всемирный потоп. Здесь же можно провести параллель с песней «Вечный пост». Обе песни заканчиваются мотивом выпадения влаги, водными мотивами (Дождь, ключи, родник), и мотивами, связанными с ними в смысловом отношении (первый Гром как предвестник Дождя).

Также эсхатологичны следующие строки песни: «Вместо икон / станут страшным судом по себе нас судить зеркала. / Имя Имен / вырвет с корнем все то, что до срока зарыто». Устремленность творчества Башлачева к последним срокам неоднократно отмечали и С. В. Свиридов, и С. С. Шаулов: «миф Башлачева действительно эсхатологичен» [10, с. 78].

Существуют серьезные доводы в пользу каждой из этих трактовок. Даже религиозные дальневосточные потенции этого образа-символа не стоит сбрасывать со счетов: на знакомство Башлачева с буддизмом и даосизмом указывает целый ряд фактов. Даже само башлачевское определение Имени Имен подтверждает эту версию (особенно примечательно, что именно буддизм назвал поэт корнем Имени Имен!).

Имя Имен это мифическая сила, существующая вне времени (точнее, независимо от него), это не вера в Бога, это вера самого Бога: «Имя Имен, Сам Господь верит только в него». А, как известно, то, во что мы верим, то, чему поклоняемся, стоит над нами. Как тут не вспомнить категорию Дао из знаменитого философского произведения Лао Цзы «Дао Де Цзин». Древний философ говорит, что не знает, кто породил Дао, откуда оно пришло. Но он знает, что Дао предшествует небесному владыке [3].

Кстати, философы соотносят Дао с апейроном Анаксимандра. И в этом соотношении есть логика: в двух случаях перед нами нечто вечное и безличное, некая первооснова мира как его ключевой закон. С. В. Свиридов красиво выразил нечто подобное в формуле: «нетварная сверхреальность языка» [9, с. 62]. Кстати, Имя Имен может быть соотносено не только с апейроном, но и с гераклитовой концепцией Логоса. Приведу цитату без комментария: (Гераклит в пересказе Секста Эмпирика): «Эту — вот Речь (Логос) сущую вечно люди не понимают и прежде, чем выслушать [ее], и выслушав однажды. Ибо, хотя все [люди] сталкиваются напрямую с этой вот Речью (Логосом), они подобны незнающим [ее], даром что узнают на опыте [точно] такие слова и вещи, какие описываю я, разделяя [их] так, как они есть. Что же касается остальных людей, то они не осознают того, что делают наяву, подобно тому как этого не помнят спящие» [2, с. 59]. Как будто о позднем Башлачеве писано!

Есть версия, что Имя Имен это не кто-то иной, похожий на Христа, а Он Сам. Такой версии придерживается Л. Дмитриевская: «Иносказательно назван и Христос — он Имя Имен» [1, с. 69]. Да и С. С. Шаулов отмечает: «Основной миф Башлачева, безусловно, требует дальнейшей “дешифровки”, но в то же время, как нам кажется, относительную определенность обретает пространство этой дешифровки. По нашему мнению, сюжет этого мифа в своей основе — христианский (хотя в плане соотношения личного и мифологического сюжета отчетливо просматриваются литературные вариации языческого — орфического, прежде всего, — сюжета)» [11, с. 70].

Еще одна трактовка: Имя Имен — библейское Слово, которое было в начале. Если во фразе: «Сам Господь верит только в него» представить, что под Господом Башлачев понимает Бога Отца, то речь далее может идти о Сыне. В башлачевской песне «Посошок» есть строки: «Богу, Сыну и Духу». А Сын есть «Слово отчее». «Вседержителю, Слово Отчее, Сам совершен сый, Иисусе Христе, многого ради милосердия Твоего никогда не отлучайся мене, раба Твоего...» — так звучит одна из православных молитв. Да и в известном богородичном величании («Достойно есть...») присутствует та же мысль о Христе — Слове. Таким образом, эта версия о Слове-Логосе (но не гераклитовом Логосе!) смыкается с версией о том, что Имя Имен — Христос.

Однако вернемся снова к башлачевскому определению Имени Имен. Обратим внимание на следующий фрагмент: окончание Имени Имен — христианство. Здесь Башлачев, вероятно, подключает и прямой смысл слова «окончание»: завершение, итог. Не знаю, что думал Башлачев о католичестве и протестантизме, но то, что он считал тысячелетнюю христианскую эру

в России завершенной — это вероятнее всего. Однако Имя Имен, если верить высказыванию Башлачева, есть одновременно некий интегратор религий и идеологий. Правда, и тут существует одна загвоздка: вернемся к высказыванию Башлачева: «Это Имя Имен можно представить как некий корень, которым является буддизм, суффиксом у него является ислам...». Вероятно, поэт хотел сказать: Имя Имен — слово, корень его буддизм, суффикс — ислам и т. д. Но он сказал то, что сказал. И это еще больше запутывает дело, ведь в такой огласовке Имя Имен — это буддизм с «напластованиями». Что вряд ли соответствует действительности. Ведь главное — Имя Имен насквозь пронизано евангельскими отсылками, которые указывают именно на Иисуса, о чем уже сказано. Впрочем, при желании можно и Христа соединить с буддизмом — такие попытки истории тоже известны.

Итак, Имя Имен — сложный комплекс разных отсылок, нечто составное, многоаспектное, а потому таинственное. Это явно — пришелец из другого мира, что-то мистическое и великое. Это некий абсолюте, который должен преобразовать мир. И точкой его проявления, а значит, главным сакральным местом, выбрана Россия. Башлачев, возможно, апеллирует здесь к концепции «третьего Рима»: Москва есть новый Иерусалим, а, допустим, какая-нибудь Вологодчина — новый Вифлеем.

Выбрать единственно верную интерпретацию Имени Имен представляется задачей практически неразрешимой, причем неразрешимой, возможно, и для самого поэта. Более того, трудно даже определить: антропоморфен ли данный образ или нет. Такое затруднение можно объяснить спецификой башлачевского мифопоэтического мира, где граница между живым и мертвым, объектами и субъектами нередко размыта.

Список литературы

1. *Дмитриевская Л.* Время собирать камни: евангельские и фольклорные образы в поэзии Александра Башлачева // Александр Башлачев: исследования творчества: Сборник научных статей. М., 2010. С. 65—84.
2. История философии: Запад — Россия — Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. М.: Греко-латинский кабинет, 1995. 480 с.
3. Лао Цзы. Дао дэ цзин (пер. Ян Хин-шуна). Гл. 4 // Древнекитайская философия: Собрание текстов: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 115—138.
4. *Лосев А. Ф.* Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 656 с.
5. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.
6. *Наумов Л.* Александр Башлачев: человек поющий. 3-е изд., испр. и доп. М.: Выргород, 2017. 608 с.
7. *Палий О. В.* Рок-н-ролл — славное язычество (источники интертекста в поэзии А. Башлачева) // Русская рок-поэзия. Текст и контекст: сборник научных трудов. Вып. 2. Тверь, 1999. С. 67—72.
8. *Свиридов С. В.* Имя Имен: концепция слова в поэзии А. Башлачева // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2. Тверь, 1999. С. 60—67.
9. *Свиридов С. В.* Магия языка. Поэзия языка. Поэзия А. Башлачева. 1986 // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Вып. 4. Тверь, 2000. С. 57—69.
10. *Шаулов С. С.* «Вечный пост» Александра Башлачева. Опыт истолкования поэтического мифа // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 4. Тверь, 2000. С. 70—85.
11. *Шаулов С. С.* Поэзия А. Н. Башлачева: в поисках «основного мифа». Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. 80 с.